

ЛИНГВИСТИКА

УДК 800.872+802.0+808.2

DOI 10.17223/19986645/29/1

Т.Б. Банкова

ВЕЩНЫЙ МИР ТРАДИЦИОННОЙ СИБИРСКОЙ СВАДЬБЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: ОТ БЫТОВОГО К БЫТИЙНОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИБОБЬЯ)¹

В статье рассматриваются особенности лингвокультурологического комментирования при анализе лексических единиц, относящихся к обрядовому дискурсу. В центре внимания работы – лексемы-номинации предметного мира традиционной культуры, входящие в сибирский свадебный лексикон. Показано, как слово, имеющее исходную профанную семантику, сакрализуется в обрядовом дискурсе, приобретая бытийное значение. Выявляется сакральный компонент значения в семантике единиц диалектного лексикона.

Ключевые слова: лингвокультурологический комментарий, профанное – сакральное, бытовое – бытийное, обрядовый дискурс, процесс сакрализации, собственно-сакральные лексические единицы.

В статье показаны возможности лингвокультурологического комментария при описании лексической единицы, объективирующей культурные константы. Анализ сосредоточен на культурном коннотативном компоненте лексической единицы диалектного лексикона. Лингвокультурологический комментарий представляет собой целостное описание слова, которое, в свою очередь, является своеобразным результатом оязыковления культурных констант.

Фактической базой работы послужили материалы картотек и текстового архива, хранящиеся в лаборатории общей и сибирской лексикографии филологического факультета Томского государственного университета, а также опубликованные словари томской диалектологической школы.

Вещный мир традиционной крестьянской свадьбы – это своеобразная модель, закрепляющая за собой особенности представляемого идеального мироустройства через предметы, которые можно определить как культурные константы. По мнению Н.Ф. Алиференко, они антропоцентричны, так как оказываются в зависимости от условий жизни человека: «...культурные константы не субстанциональны, поскольку отражают объекты мироздания не сами по себе. Они скорее операциональны и представляют образ действия человека в отношении к объектам мироздания. <...> Культурные константы, как правило, не осознаются человеком. Они – инструмент упорядочения и рационализации опыта, полученного из внешнего мира» [1. С. 127].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Константы русской народной культуры в языковом коде: от бытового к бытийному», грант № 12-04-00163.

В процессе культурного этногенеза за овеществленной константой закрепляются межпоколенные коллективные представления, которые формировались одновременно с освоением мира. Таким образом, лексическая единица, называющая эту вещь, является своеобразным репрезентатором и медиатором ментальных сущностей, так как несёт в себе глубокий исторический опыт: «Вещи, пройдя стадию социализации, будучи включенными в общественно-ценностную иерархию, становятся элементом культуры-бытия, символами, культурными знаками, а значит, – частью семиосферы, наряду с языковыми (словесными) знаками, именующими эти вещи» [2. С. 199]. Именно исторический опыт этноса, закрепляясь за словом и вещью, обеспечивает правомерность воспринимать эту совокупность как синтез быта и практики бытия. Из этого следует, что практика бытия вырастает из практики быта в качестве способа аккумуляции смыслостроительных ориентиров. Ю.М. Лотман утверждает: «Быт – это обычное протекание жизни в её реально-практических формах; быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение <...> мы склонны его [быт] считать «просто жизнью», естественной нормой практического бытия» [3. С. 10].

Практическое бытие – это функционирование крестьянского быта в его повторяемости как залого стабильности, узаконенности, идущее от поколения к поколению. Повторяющиеся бытовые схемы в своей основе остаются неизменными, поэтому крестьянское мировидение приспособило их под важнейшую задачу сформировать законы сохранения устоев сообщества, для чего выработало систему выходов из быта и приурочило их ко времени праздников и обрядов. Этот процесс выхода следует воспринимать как переход профанного существования в сакральное. Аскетизм жизни крестьянина делает аскетичными и сами формы сакрализации быта: например, опора на объемно-пространственные характеристики посуды позволяет вовлекать ее в акт обрядовой демонстрации или в манипуляции, связанные с необходимостью заполнения пустоты. На повседневные *тарелки, блюда* выкладываются сломанные иголки как свидетельство трудолюбия невесты во время подготовки приданого, выплетенные из косы ленточки демонстрируют переходный статус вступающей в брак, бумажные цветы, вынутые из курника, свадебного пирога, показывают смену эпизода обряда – окончание девичника и пр. *Блюда* и *подносы* как предметы большей плоскости, ежедневно редко используемые, участвуют в эпизоде одаривания молодых: на них торжественно кладут подарки для всеобщего обозрения. Характеризуясь всеобщностью, имея регулятивный характер, институт обряда, в том числе свадебного, призван создавать особый миропорядок, уравновешивая более длительные по времени будни. Если практика быта, за которым не видно законов самого быта, занимает основное время в традиционном жизненном укладе, то этносу необходим механизм выхода за пределы повседневности для осмысления этих законов как универсальных. Свадебный обрядовый комплекс нацелен на конструирование идеальной жизни нового сегмента сообщества при условии соблюдения четкой последовательности этапов обряда, манипуляций с определенными предметами в его ходе.

Традиционная культура весьма лаконична в использовании репрезентативных средств для реализации и абстрактных сфер, связанных с прогнози-

рованием, «заговариванием», защитой будущей счастливой жизни нового субъекта крестьянского сообщества. Как правило, ими являются конкретные предметы, наделенные в акте создания идеальной жизненной модели (обряде) особыми сакральными свойствами. Например, такое абстрактное понятие, как *граница*, воплощается в локусах крестьянского дома *окно, порог, дверь*, которые призваны изначально отгородить жилище от «чужого» мира; их функции во время разворачивания обряда для усиления магического эффекта могут передаваться обиходным предметам крестьянского жилища: *лавке, столу, стулу, веревке* и т.д.

Специфика лексической единицы, через которую проходит оязыковление ментальных структур, – в единстве культурного и бытового, профанного и сакрального. Задача лингвокультурологического анализа – определить совокупность коннотативных компонентов значения слова, которые свидетельствуют о нём как о культурном знаке и наличие которых позволяет вскрыть механизм перевода его в статус сакральных. Под культурной коннотацией понимаем, вслед за В.Н. Телия, «разнохарактерную совокупность узуальных устойчивых дополнительных семантических признаков номинативных единиц, которые являются результатом использования данных лексем и их обозначения в определенной лингвокультурной общности» [4. С. 105]. Лингвокультурологическая интерпретация (комментарий) соединяет в единое целое языковую семантику и культурные коннотации лексем; к лексическому значению прибавляются культурные смыслы, в результате чего образуется её особенное, культурно-языковое значение¹. Фактическая основа для развёртывания лингвокультурологического комментария – все имеющиеся реализации лексем в обрядовом дискурсе.

Дихотомия «профанное» – «сакральное» в рамках традиционной культуры универсальна. Так, преобразование внешнего облика готовящихся к вступлению в брак осуществляется посредством перемены одежды, обуви, головных уборов. Свадебный наряд становится знаком особого статуса (жениха или невесты) члена традиционного коллектива и сигналом выхода из профанного (обыденного) мира, так как, по мнению П.Г. Богатырёва, «будничная одежда является прежде всего вещью, праздничный же костюм — преимущественно знаком» [5. С. 353]. Некоторые предметы одежды, входящие в свадебный обрядовый комплекс, в процессе обрядовых действий манифестируют смену социального статуса: манипуляции с головным убором невесты (покрывание головы *платком, шалью, повойником, кокеткой, катеткой, файшонкой, фальшонкой* и др.) наделяли её новой социальной судьбой – молодухи и жены. Лексические единицы, задействованные в обрядовом комплексе, приобретают культуроспецифическую семантику. Материалы среднеобских говоров, отражающие культурные установки крестьянского сообщества, связанные с представлением традиционного коллектива о том, как должны выглядеть брачующиеся, дают основания для выявления достаточно

¹ Об особенностях интерпретации фразеологизмов пишет М.Л. Ковшова в работе «Семантика и прагматика фразеологизмов. Лингвокультурологический аспект» (М., 2009). Её выводы о культурно-языковом значении единицы, об особенностях её комментирования в лингвокультурологическом формате послужили основой анализа диалектного лексикона.

объемного реестра предметов вещного мира, связанного со свадебным жизненным строительством.

Так, например, традиционный наряд невесты, по данным говорам, состоит из *платья, ували (вуали, вавали, кисеи, фаты), венка (венца, венчика)*. Трудно определить, какой предмет в её снаряжении является доминирующим, т.е. является манифестантом её особого статуса. Например, лексическая единица *платье* (номинация обязательного атрибута свадебного костюма невесты) в имеющихся материалах повсеместно сопровождается определителями, которые конкретизируют номинацию 'женская верхняя одежда' семей 'предназначенная для особого случая', с внутренней формой, актуализирующей событие или этап обряда: *венечное, венчальное, подвенечное, свадебное, свадебщиное платье: **Венечно платье так шито, и невесту дарили*** [Том. Том.]¹; *Было бело **платье венчальное**, потом розовы, кремовы пошли, буклёвы платья* [Том. Шег.]; *Как же невеста одевалась? **Подвенечно платье одевала, востроносеньки ботиночки. Венчались мы с им, свадьбу зачали*** [Том. Пар.]; *Зашли в дом к тетке, раздели меня и одели в **свадебщиное платье*** [Том. Пар.]; ***Свадебное платье** кремовое с длинным рукавом. Венок из восковых цветов спускались, как косы. Вуаль брали все у одной женщины* [Том. Шег.].

Кроме того, определители, репрезентирующие этап обряда, переводят лексическую единицу в сакральные сферы, реализуя темпоральную бытийную семантику. Показательно, что в комплекс нарядов невесты входили *платья*, имеющие регулятивно-ролевую функцию, они сменяли наряд, который надевали для венчания, – *визитное, чайное платье: Назавтра она уже сидит за столом, а угощают как хозяйка, ей специально **визитное платье шьют*** [Том. Пар.]; *Визитное платье – это платье тако красиво. Визит дают, да ходят в ём, да и в гости* [Том. В.-Кет.]; *Раньше **венчальное, чайное и визитное платье** обязательно было. В чайном невеста гостей чаем пошла. А в визитном вечером была. А жених все в одном* [Том. Пар.].

Наряду с темпоральной составляющей (все анализируемые единицы имплицитно содержат компонент 'следующий день после венчания', 'второй день свадьбы') регулятивно-ролевые культурные семы номинаций одежды репрезентируют изменившийся статус девушки (она стала молодухой, хозяйкой) и соответствующие статусу действия, что закреплено во внутренней форме слов: в *чайном* – чаем поят; в *визитном* – визит дают, т.е. ходят в гости. Приведенные иллюстрации эксплицируют представления крестьянского сообщества об утилитарном назначении предмета. Как правило, *подвенечное (венчальное, венечное, свадебщиное) платье* изготавливалось как сакральный предмет, впоследствии не использовалось, хранилось и передавалось по наследству: *У меня вот тут вся одёжа, венчально платье лежит* [Том. В.-Кет.]; *Теперь открыла мешок со своими платьями, подвенечного платья нету. Подвенешно платье девчонка износила* [Том. В.-Кет.].

В оппозиции «сакральное» – «профанное» одежда невесты для второго дня свадьбы занимает промежуточное положение, так как является своеобразным посредником между бытийными и бытовыми сферами. Имея в своем составе регулятивно-ролевой компонент, номинации одежды «второго дня»

¹ Список условных сокращений . см. в конце статьи.

тяготенют к бытовым (практическим) сферам, но сохраняют в своем значении эстетическую сему, которая связывает их с надбытовыми ситуациями. Таким образом, лексическая единица *платье*, обозначающая составляющую наряда невесты, культурный компонент значения которой реализуется через определители, маркирующие как смену эпизодов обряда, превращаясь в темпоральную устойчивую единицу-символ, так и изменение социально-ролевого статуса невесты.

Крестьянское мировидение делает акцент на следующих характеристиках морфологии платья невесты, совокупность которых обеспечивает регламент его сакральности: а) цвет; б) соблюдаемые параметры изделия (ширина, длина, фасон); в) материал, из которого изготовлена вещь; г) в редких случаях актуализируется технология его изготовления.

Цветовая характеристика *платья*, транслируемая в анализируемом материале, репрезентирует один из главных элементов цветовой символики – *белый*, антонимически противопоставленный *черному*: *Замуж выходила в двенадцатом году. Платье было белое* [Том. Том.]; *На свадьбу все белое [платье] больше носили* [Том. Том.], *Платье какое? Белое с цветами* [Том. Молч.]. «В символической сфере корреляция 'белый' – 'черный' ('светлый' – 'темный') может входить в эквивалентный ряд с парами 'хороший' – 'плохой', 'мужской' – 'женский', 'живой' – 'мертвый', отчасти 'молодой' – 'немолодой' (старый), 'ясный' – 'хмурый' (о погоде) и т.д.» [6. С. 151]. Таким образом, контрастное противопоставление цветов свадебного костюма молодоженов реализует оппозицию 'мужской' – 'женский'. Необходимо заметить, что в рассматриваемых материалах представлено подробное описание наряда невесты (цвет, материал, фасон, а также сценарий её переодевания в связи со сменой социального статуса), в одежде жениха актуализируется лишь цвет костюма и рубахи: *Жанух – чёрный костюм, бела рубаха* [Том. Том.]. Мужскую венчальную рубаху невеста должна была сшить самостоятельно, что являлось неукоснительным требованием соблюдения обряда: *До свадьбы невеста находится вдали от своего отца, шьёт подвенечное платье, рубаху жениху* [Том. Крив.]. Рубаха была необходимой частью приданого невесты: *Готовила невеста [приданое], уже просватанная, на девичнике. Приданое состояло из вожжей, пояса, рубахи для жениха и рубахи для свекрови, штанов, пояса, полотенца для свёкра. Приданое показывало, на что способна невеста* [Том. Молч.]. Обязательность присутствия *белого* как сакрального цвета в свадебных одеждах народное мировидение дополняет семантическим параметром 'одинаковый, одного цвета', транслирующим культурную семантику пары, супружества: *Высватают невесту и назначат день свадьбы. С жениха брали два-три ведра вина. С невесты брали тоже подушку, перину. У невесты платье и у жениха рубаха одинакового цвета* [Том. Кож.]; *Рубашка у жениха в свет [цвет] с платьем невесты*, [Том. Том.]; *Кака у жениха рубаха, тако у невесты платье* [Том. Шег.].

Цветовой регламент сакральности *свадебного платья* корректируется конкретными условиями жизни крестьянской общины и балансирует между составляющими цветового ряда «белый – светлый – нетёмный», появление цветов из названной палитры в одежде всегда является сигналом выхода из обыденности: *Платьи на свадьбу не так что тёмные, а всегда светлые. Не-*

бесный свет [цвет], или совсем белы [Том. Пар.]. Семантика «нетёмного» венчального *платья* развивается до цветовых маркёров, которые являются ситуативно-сакральными [7. С. 18] В высказываниях они закреплены за лексемами *голубой, небесный, розовый, кремовый*, манифестирующими семантику праздника как преодоления обыденности: *Платьи, кто каки сумеет – [Белые?] – Не обязательно. И вот сейчас дык все делают так один белый. А тогда у кого какое есть. Ну, большинство придерживались, эти, как сказать вам, не розовы, а кремовы* [Том. Шег.]; *Платья шили розовы, белы, а кто како оденет. Я в розовом венчалась. Фат не было. А богатые каку-то шили – уваль называются что ли* [Том. Шег.]; *Цвет свадебных платьев был голубой, розовый, белый* [Том. В.-Кет.].

Расширившаяся цветовая палитра свадебной обрядовой одежды свидетельствует о её нестрогом цветовом сакральном регламенте (вплоть до его редукции), который дублируется лексическими единицами с семантикой нового (в крестьянской культуре особое отношение к новым вещам как наделенным особой силой [8. С. 262]) и красивого: *Во время венчания невеста одевается в светлое новое платье и уваль* [Том. Том.]; *Платье, конечно, белое, али розовое, что покрасивше*. [Том. Зыр.]; *Платье на свадьбу одевали новое и красивое* [Том. Зыр.]; *Светы у ней был свои, платье подвенечно было готово, красиво тако* [Том. Шег.].

Одетое один раз именно *белое платье* – символ проведенного свадебного обряда по всем правилам. Это становится базовым отличием, в частности, от замужества *убёгом* ‘замужество без согласия родителей’: *На свадьбу все белые [платья] больше носили. Кто не одевал, убёгом убежали* [Том. Крив.].

Если цвет свадебного *платья* мог выбираться в палитре «светлого», то длина *платья* и рукавов должны были соответствовать главной функции обрядовой одежды – обереговой. Свадебный обряд – обряд перехода – имеет достаточно обширный перечень условий, неукоснительное соблюдение которых обеспечивает его социальную и магическую действенность: *платье* невесты должно быть обязательно с длинным подолом и длинными рукавами (лексема сопровождается обязательным определителем «длинное»): *Платье длинное шили, уваль надевали, цветы восковые* [Том. Кож.]; *Платье длинно на невесте, красиво так* [Том. Колп.]. Намеренно удлиненные формы в одежде невесты, которая в момент перемены статуса особенно уязвима, призваны защитить её от влияния потустороннего.

Длина свадебного *платья* напрямую связана с фасоном и технологией его изготовления. В говорах Среднего Приобья зафиксированы следующие лексические единицы, обозначающие неповседневную женскую одежду: *принцесс, принцесс, парынцесс* ‘праздничное платье, прилегающее в талии и расклешённое книзу’: *Праздничные платья «принцесс» называли; Принцесс в обтяжку; Парынцессы — по полу метётся, с фонборами* [ВС. Т. 5. С. 386]. К подолу *платья* такого фасона часто пришивалась оборка – ‘фонбора’: *Одевались ‘невесты’ в платье с фонборой. «Принцесс» – платье скроено клиньями, а кофта узка. И сейчас бы эту моду подёрнули* [Том. Кож.]; *У мамы платье красивая была, уваль на голове. Она раскошенное и на фигуре сделанное* [Том. Пар.]; на него не жалели ткани, особо украшали: *Свадьбы не играют, платье купют, вот и свадьба. Не таки же узеньки да коротеньки, а просто,*

по-простому, кружевшишки напришьёшь, складочки накладёшь, ибручально кольцо [Том. Колп.].

Регламент сакральности наряда закладывается в выбор материала, который, как правило, не представлен в будничной одежде: это ткани более дорогие, промышленного производства – сатин, шёлк: *У невесты платье из сатину был, белый, розовый или голубой, но всё равно светлый. Ещё на неё надевали уваль [Том. Зыр.]; Невеста в белом платье, из шёлка платье. На ногах ботинки. Цветы, уваль [Том. Кож.]. Из шёлку раньше свадебно платье шили [Том. Том.].* Относительно наименований тканей, из которых шилась крестьянская одежда для будней и праздников, «профанное» – «сакральное» реализуется в лексической антиномии: *шелковина* (‘шёлковая ткань’ – материал дорогой, финансово недоступный большинству крестьян, относится к праздничной группе) – *холцевина* (‘одежда из холста или толстый холст’ – материал и изделия из него произведены самостоятельно, предназначены для повседневной носки): *В холцевине ходили, и всё лето эту холцевину носишь [9. Т. 7. С. 354.]; Холцевина – ткали. Шелковина – хороший товар, шёлк [Том. Том.]; Шелковина – така ткань, шёлк, дак что шёлк, а я сроду не носила [9. Т. 7. С. 354].*

Лингвокультурологическая интерпретация – продуктивный путь выяснения того, как из всего объема коннотативных компонентов складывается культурная семантика лексической единицы, какова особенность каждого из этих компонентов, конкретно проявленных в народном свадебно-обрядовом дискурсе. Лингвокультурологический комментарий показывает, что культурный семантический объем лексемы *платье* как единицы, номинирующей атрибут вещного мира сибирской свадьбы, формируется из объективированных языком культурных сем, которые в совокупности представляют собой факт фиксации перевода бытового значения слова в сферы бытийные.

Комплекс дополнительных характеристик лексической единицы, выявленных посредством лингвокультурологического комментария, демонстрирует результат оязыковления факта культуры. Культурно-языковое значение лексемы *платье* – номинации атрибута свадебного обряда – на основании проведенного анализа репрезентируется в совокупности культурных коннотативных сем следующим образом: *Платье (венечное, венчалное, подвенечное, свадебное, свадьбишное)* – обязательный атрибут комплексного свадебного убранства (в комплекс входят наряды второго дня – *визитное, чайное платье*) невесты, преимущественно *белого (голубого, розового, кремового)* цвета (рубаха жениха и *платье* невесты могут иметь одинаковое цветовое решение), с длинным подолом и рукавами. Для *платья* подбирались более дорогие (промышленного производства) ткани (*сатин, шёлк* и др.), оно было специального (необыденного) фасона (*принцесс, прынцесс, парынцесс*) с обязательными дополнительными деталями (*кружевами, оборкой (фонборой)* и пр.). *Платье* изготавливалось как сакральный предмет, поэтому впоследствии не использовалось, хранилось и передавалось по наследству.

Список условных сокращений

Том. – Томская область
Том. – Томский район

Шег. – Шегарский район
 Зыр. – Зырянский район
 Пар. – Парабельский район
 Кож. – Кожевниковский район
 Крив. – Кривошеинский район
 Колп. – Колпашевский район
 Молч. – Молчановский район
 В.-Кет. – Верхнекетский район

Литература

1. Алиференко Н.Ф. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта, 2010. 288 с.
2. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М.: Изд-во РУДН, 2004. 256 с.
3. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1996. 399 с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
5. Богатырёв П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 511 с.
6. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 584 с.
7. Банкова Т.Б. Профанное и сакральное в тексте сибирской свадьбы // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 14–23.
8. Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь: Кн. изд-во. 2004. 359 с.
9. Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 7. 525 с.

THE "MATERIAL" WORLD OF A TRADITIONAL SIBERIAN WEDDING IN THE LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT: FROM THE COMMON TO THE EXISTENTIAL (BY THE SOURCE MATERIAL OF MIDDLE-OB DIALECTS).

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 3 (29), pp. 5–13. DOI 10.17223/19986645/29/1

Bankova Tatiana B., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatabank@mail.ru

Keywords: linguoculturological review, lay – sacral, common – existential, rite discourse, process of sacralization, proper sacral lexical units.

In this paper the features of the linguoculturological reviewing when analyzing lexical units that objectify a cultural constant are examined. The potential of such a reviewing as a method of describing the words is shown. In the center of attention of this paper are nomination lexemes of the object world of the traditional culture, which are included in the Siberian wedding vocabulary.

The research was based on the resources of card indexes and text archives of the Laboratory of General and Siberian Lexicography, Faculty of Philology, Tomsk State University, and published dialect dictionaries of the Tomsk Dialectological School.

The analyzed units are related to the so-called "material" group of dialect vocabulary. It is shown how a word with the original common semantics is sacralized through the rite discourse acquiring an existential meaning. The linguoculturological review is represented as a complete description of a word that is a certain result of verbalization of cultural constants. The sacral component of the meaning of the dialect vocabulary unit semantics has been singled out.

The "material" world of a traditional peasant wedding is a certain model obtaining the features of an imagined ideal structure of the world via objects that can be defined as cultural constants.

During the cultural ethnogeny intergenerational collective ideas are assigned to a materialized constant. Thus, the lexical unit that names the object is in some way a representation and a mediator for mental constructs for it bears some broad historical experience.

The wedding rite system is aimed at constructing the ideal life of a new unit of the society if to follow the exact order of rite stages and manipulate definite objects during the rite. Practical existence may get to the sacral level in different ways, but the most obvious one is the exact reproduction of the object's image: form, size, color, etc.

The peculiarity of lexical units that verbalize mental constructs is in the unity of the cultural and the common, of the lay and the sacral. The task of the linguoculturological analysis is in defining the set of connotative components of word meaning that speak of this word as of a cultural sign, and its presence allows revealing the procedure of making the word sacral.

In this paper the experience of developing the linguoculturological review of the lexeme "gown" nominating the major attribute of the bride's wedding attire is shown. The peasant's world view accentuates the following features of its morphology, the combination of which provides the order of its sacralization: a) color; b) right parameters of the item (width, length, style); c) fabrics it is made from; d) in some rare cases the manufacturing technology is actualized.

REFERENCES

1. Aliferenko N.F. *Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Axiological space of the language]. Moscow: Flinta Publ., 2010. 288 p.
2. Chulkina N.L. *Mir povsednevnosti v yazykovom soznanii russkikh: lingvokul'turologicheskoe opisaniye* [Everyday world in the Russian linguistic consciousness: a linguoculturological description]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2004. 256 p.
3. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: Life and Traditions of the Russian nobility (18th–early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo Publ., 1996. 399 p.
4. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996. 288 p.
5. Bogatyrev P.G. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Problems in the theory of folk art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1971. 511 p.
6. Tolstoy N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'. V 5 tt.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols.]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995. Vol. 1, 584 p.
7. Bankova T.B. Profannoie i sakral'noe v tekste sibirskoy svad'by [The lay and the sacral in the Siberian wedding text]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2008, no. 3, pp. 14-23.
8. Podyukov I.A., Khorobrykh S.V., Antipov D.A. *Etnolingvisticheskii slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Prikam'ya* [Ethnolinguistic Dictionary of Wedding Terminology in Northern Prikamye]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2004. 359 p.
9. Blinova O.I. (ed.) *Vershininskiy slovar'. V 7 tt.* [Vershinino Dictionary. In 7 vols.]. Tomsk: Tomsk University Publ., 2002. Vol. 7, 525 p.